Забрыкин / повесть

Category: Kitapcy,Powestler
написано kitapcy | 24 января, 2025
Забрыкин / повесть ЗАБРЫКИН

I.

Забрыкин делился старой одеждой. Шёл в красный крест и делился. Его одежда пахла парфюмом. В этот раз он взял с собой мешок барахла, скопившегося за год, и индейские сапоги, которые закатились за кошачий лоток соседа. Он вышел в утренний туман и медленно, не торопясь отправился к цели. Его седая борода развивалась как потрёпанный флаг викингов и периодически колола в глаза. Он шёл мимо колонн, по летнему саду. Пели птицы и на душе у Забрыкина была благодать. Возле Красного креста стояли бомжи. Сперва они испугались такого явления народу, но, когда Забрыкин почти пропел басом рекламного Санты-Клауса – «я вам шмоток принёс!» – ощетинившиеся люди обрадовались. Забрыкину хотелось отдать сапоги достойному владельцу. Он стал спрашивать – кто и откуда родом? Не числятся ли в их родословной пресвятые Кулебякины? Как оказались они в этой скорбной ситуации? Хотел ещё провести опрос по анкете Тамерлана, как вдруг увидел Петю. Так его называла бомжиха Таня. Петя был длинного роста, в рваной косухе и с пшеничным колоском за ухом.

-Слушай! – подошёл к нему Забрыкин, – у меня есть индейские сапоги, прямо из Америки. Я их очень любил носить. Вот, хочу их тебе вручить. Ты по ходу, самый нормальный пассажир из всех.

Петя ухмыльнулся:

-Ты чо! Нам индейцы в сорок первом знаешь, как надавали! – сказал он и задрав брючину, показал Забрыкину американские нейлоновые протезы.

II.

Забрыкин колесил по проспекту Ушанбая Низабару. Колеся по кругу, он смотрел периодически в зеркало. На нём был оранжевый фрак и зелёная атласная рубашка. Он улыбался как дурак и пил фанту. Вечер обещал стать фантастическим. Ему позвонила Галя. Через час он должен был с ней встретиться. По проспекту шли иностранцы в шубах из белого медведя. Забрыкин с трудом крутил руль – ему мешали колени. Поролоновые плечики увеличивали и без того громоздкую фигуру. Улыбка не сходила с лица Забрыкина. Он увидел Галю не сразу. Она несла воздушные шары, на которых было написано «вперёд Россия!». Забрыкин вышел из машины, сильно хлопнув дверью. Подошел к Гале и обнял ее за талию.

-Откуда шарики? – спросил он.

-Я была рядом с офисом и мне их подарил бомж Володя. Ну ты его знаешь, он со мной в школе учился.

Забрыкин сунул шары на задние сидение и поправил фрак.

-О, клёвые ботинки! – сказала Галя, рассматривая штиблеты Забрыкина, из которых торчал большой палец с обломанным, чёрным ногтем.

-Да проклятая педаль!! Не обращай внимания!

-Фу, чем ты пахнешь? – фыркнула Галя.

-Это японские духи, – ответил помрачневший Забрыкин.

-Ты как будто ел лук с сырой рыбой….

Забрыкин уставился в зеркало. Он жевал жвачку из осьминога. Затем он, подобно Гамлету, положил руку на голову Гали.

Она замурлыкала, и они тронулись вперёд. На заднем сидении шары терлись о друг дружку и противно скрипели. Забрыкину хотелось их выкинуть, стукнуть Галю кулаком. Но он терпеливо и

молча ехал, жуя и вглядываясь в дымчатую даль. Где-то далеко, шли маленькие люди с радиоприёмниками. Они ловили лишь одну волну – волну любви.

III.

Забрыкин пёр рогом. Он вытаскивал креветку из банки долго и монотонно. Его лицо искажала гримаса, а слюна лилась на рубашку. Он начал плавать, чтобы эта гримаса, похожая на зад куропатки – пропала. Он стал поднимать штангу – чтобы пропал этот рыхлый рельеф живота, похожий на восточно-европейскую возвышенность. С его синего полотенца стекал горными реками пот. Он бы с радостью преодолел все проблемы мира, но ему не хватало тысячи евро. Всегда одно и тоже. Вот он уже купается в лучах Парнаса, но нет, снова приходится доставать бумажник, оттуда вытаскивать

зелёную купюру и надо же – отдавать её неизвестно кому, неизвестно за что. Вот так, он мялся перед покупкой зимнего колеса. Только что у него была красивая, кругленькая сумма. Но всю цифирную красоту испортила эта покупка. Пришлось платить. Иначе можно убиться зимой.

Забрыкин пёр рогом. Тут как-то один тореадор в красном костюмчике и белом корсете – чуть не заколол его. Вместо арены – арбатский рынок, на котором все друг за другом следят. Забрыкин был самым тупым из всех и поэтому ему было легко. Его невозможно было травмировать. Его толстая шкура и огромный череп сибирского мамонта выдерживали, а точнее были тупы и глухи к любому стрессу. Однажды, Забрыкин разбежался со светофором в руках и споткнулся. Часы показывали шесть, когда его опять скрутили простыней банные девки. И вот-вот круглая сумма снова станет квадратной. Но он и это переживёт. Правда, перед этим безбашенно проревёт на монгольском диалекте – прямо на площади, где эскимосы жарят рыбу. Все перепуталось в голове у Забрыкина. И тогда он просто берет красные трусы и затыкает ими оконные щели. И мечтательно смотрит, как уходящие вдаль тётки, волокут, словно вёсла, накаченные бараньи ноги.

IV.

Забрыкин душил гнев. Он боролся с ним на водяном матрасе. Люди в окнах слышали его всхлипы. А он всё душил гнев. Душил-душил, а потом перестал. Он встал и задел люстру. Она зазвенела стекляшками и потом ещё долго раскачивалась.

-«Ведь я же не злой тип и могу себя контролировать», – сказал он, глядя в зеркало. Он почистил зубы и выпил холодной воды. Натянул брюки и надел мягкие тапочки, купленные Галей. Прошёлся по квартире в поиске майки и наткнулся на письмо. Оно было написано губной помадой. «Забрыкин, не злись. Я ухожу» Галя и крестик. «Блин, она опять уходит», – подумал вслух Забрыкин. Он накинул розовую шубу и побежал. Он бежал по лестничной анфиладе, сквозь дворы-колодцы. Оббежал весь Васильевский остров и оказался на Петроградке. Он потерял триста калорий и гнев его совершенно пропал. Он побрёл домой, мимо деревьев, упакованных в целлофановые пакеты. На душе скребли кошки и собаки. До тех пор, пока он не увидел знакомые очертания:

-Галяааааааааааааааа! – крикнул он и упал. Очнулся он у себя дома, на водяной кровати. А разбудил его родной запах котлет.

-Забрыкин, я тебя еле дотащила. «Ты совсем не ешь», – сказала Галя, поправляя передник. Больше на ней ничего не было. Забрыкин улыбнулся….

Они бы ещё долго кувыркались на кровати, но Галя порезала матрасную плоть кольцом, купленным ей Забрыкиным. В центре комнаты бил фонтан, котлеты были съедены, а гнев задушен.

V.

Забрыкин любил свой запах. Например, он подолгу не менял наволочку. Как-то давно в детстве, на карусели возле Дома кино, ему послышался этот запах… Он шёл мимо бочки с квасом, что стояла возле акаций и эта смесь попала в раздутые ноздри маленького Забрыкина. Дом кино давно разрушили и акации

вырубили. На том месте теперь «Пятёрочка», а запах остался и источал его Забрыкин. Вот он ныряет в кроватку, принюхивается к несвежей наволочке и по-детски кайфует.

-Какой у тебя запах ароматный! – говорит длинноногая Галя и сморкается в носовой платок с вышитой жар птицей.

Забрыкину нравится Галя и нравится, как она пахнет. Они вместе подолгу лежат в кровати и читают Бунина. Книга, кстати, тоже имеет свой запах – влажных страниц. Забрыкин часто плачет. Особенно, когда Галя поправляет очки, которые она купила ещё при Брежневе.

-Забрыыыыыкин, – шепчет Галя. – Ты опять выставил носки! Они долго тихо посмеиваются и мирно засыпают.

VI.

Забрыкин был набожным человеком. У него стояли одутловатые статуэтки, в виде голых африканских баб, купленные им в Нью Йорке. В запасе всегда имелся литр фимиама, который ему прислали контрабандой из Греции и сушёная крыса индейцев майя. Каждое воскресение он возлагал вязанку цветов к молельному столику и портсигар из дерева с кубинскими сигарами. А ещё сыпал рис, покрашенный предварительно в луковой шелухе. По средам он не работал, а падал на колени и молился молитвой, которой его научили на кубе торгаши тростником. Помнится, они дали ему напутствие:

«будешь повторять эту молитву – с деньгами будет всё в порядке». Галя боялась этих ритуалов. Ведь когда Забрыкин молился, падая всем солидным весом на колени, в серванте подпрыгивала посуда, а от его невнятных криков тряслись стёкла в оконных рамах. От фанатичных прикосновений Забрыкина у чёрных африканских статуэток уже до бела были натёрты груди. Ведь это явно приносило ему удачу. А сушёную крысу он побаивался сам. Однажды, перед крупным делом, он как всегда молился и тёр груди, падал на пол и вращал руками – всё как обычно. Но тут его словно замкнуло и он икнул только что

выпитым кефиром в сторону молельного столика. Решил подняться, да поскользнулся, проехался щетиной по полу, ударился головой о столик и задел статуэтку, и та грохнулась ему прямо на переносицу Забрыкин отказался от сделки. Понял третьим глазом, что тут что-то не так и статуэтка ему об этом сообщила – совсем не косвенно. Он достал из намоленного портсигара сигару и закурил. С тех пор, Забрыкин повторяет молельный ритуал каждый день с особой тщательностью. Галя даже стала подумывать – «а не уйти ли от него?» – когда вдруг выяснилось, что на сделке, в которой должен был участвовать Забрыкин, были задержаны нечестные люди, пытающиеся пронести 20 тонный сейф мимо вахтёра.

-Вот видишь! – говорил Забрыкин, – я не просто верю, я верю по-настоящему!

VII.

Галю разбудил чей-то лай. Показ мод французского модельера Пьер Обкурэн ее утомил и потому она заснула рано. Лай был странный. Человеческий. Она подошла к окну и увидела на качелях Забрыкина с бутылкой Наполеона. Он простужено тявкал – как Гитлер на рекламу бороды.

-Ты что? Весь дом разбудишь! Забрыкиииин ты болеееен?? – громко грассировала Галя в форточку.

-Пойдём запускать летучих мышей!! – сказал Забрыкин и обмяк. Обычно, на такое предложение Галя кидала в форточку сачок. Но тут Галя решила проявить волю. Пьянство Забрыкина достало её. Ведь она же смогла избавиться от шепелявости! Целый год ходила в клуб анонимных шишенугов! Правда теперь она грассировала как Шарль де Голль. Галя вернулась в кровать и решила не вылезать из-под пледа до июня. Забрыкин перешёл на художественный вой. Он обхватил качели так, что не ясно – то ли его готовят к четвертованию, то ли он вот-вот сделает на качелях солнышко.

-Да замолкни ты, китообразный! – интеллигентно выругался в окно сосед Локотков.

Галя снова высунулась в окно. В ее руках был коллекционный чупа-чупс, подаренный модельером Лагерь Фил со словами: «в 1975 его сосал сам Энди Лохер!!!»

-Если ты не прекратишь, я сброшу вниз твою крысу! – угрожала Галя Забрыкину. Это действовало. И наступила благословенная тишина. И замерли поливальные машины. И посыпался с неба каскад бумажных зайчиков.

VIII.

Забрыкин перестал соображать. Только что соображал, а теперь вдруг – нет. Он долго тряс головой, как будто у него в ушах была вода. Но ничего не изменилось. Кончилось любое соображение и всё тут. По телевизору показывали Винни Пуха с албанскими субтитрами. Он попытался понять – откуда они взялись? Переключил телевизор на всероссийский канал, достал вафли, которые ему передала бабушка из Израиля и совсем погрустнел. Он почувствовал давление в затылке. Подошёл к зеркалу. На него смотрели грустные глаза, налитые кровью. Еще час назад его беспокоила теория плоской земли, но что-то щёлкнуло за окном и резко стемнело. Он сидел в полумраке. Лампа из змей, привезённая им из Греции, накалилась и обожгла его толстую лодыжку. Забрыкин пошевелил большим пальцем ноги, потом стал рассматривать свои руки. Всё казалось чужим.

-Гоу фак ё селф!!! – крикнул Аль Пачино из всероссийского канала. Забрыкин вздрогнул и уронил вафли. Крадучись подошёл к телевизору и выключил его. Паркет проскрипел Девятую симфонию Сальери. Забрыкин сел в кресло и укрылся пледом. Закрыл глаза. Всё стало красным с синими кругами. Он надавил на глазные яблоки и всё стало в звёздах.

-Яааахуууу, – икнул Забрыкин и разбудил соседа с третьего этажа, которому в этот момент снился самовар со смеющимися доярками. Забрыкин долго ловил кайф и, наверное, остался бы без глаз, но понял, что притомился. Так и заснул крепко, укрывшись тётушкиным пледом из верблюжей шерсти, держа в руках

чью-то плоскую грудь.

IX.

Забрыкин любил раскатывать губу. Сядет на диване и давай раскатывать. Марья Петровна не любила, когда он этим занимался и уходила на это время в кино. А Забрыкину хотелось быть похожим на одного мавританца, у которого губа была раскатана до пупка. Два часа в день он посвящал раскатке губы. Но сегодня ему не удалось раскатать даже до подбородка. Он надул щёки и выпил пива. Оно потекло по шее вниз и защекотало Забрыкина.

Он по-детски рассмеялся и уже не злился на неудачную попытку. Он с новой силой дёрнул себя за губу и надорвал уздечку.

-Ой ой ой, – забубнил Забрыкин и запил шок пивом. Оно попало на ранку. Защипало так, что он сел на шпагат. В этот самый момент и вернулась Марья Петровна и начала журить Забрыкина, как младенца:

-Ай ты пупси-мупси – приговаривала она, – Тяпни-ляпни водочкой, промой-мрамой ранку!

Тем временем, мавританец Зигубо Дункан завоевал приз Международной симпатии и вышел на межпланетный уровень. Забрыкин же стал шепелявить. Но своё «губораскатательное» дельце не забросил. Он усердно тренируется и по сей день, держа под рукой стакан топлёного молочка самки орангутанга.

X.

Забрыкин ел манную кашу. Косой дождь попадал в открытую форточку. На майке Забрыкина было написано «Джаст ду ит». Каша то и дело капала на грудь. Он набрал ванну тёплой воды. Вот-вот, в этот ноябрьский вечер он нырнёт с головой. «Чистым ведь хорошо быть!» – думал Зарбрыкин. Сегодня он провернул чёрное дельце и ему хотелось отмыться. Он снял шлёпанцы, гавайские трусы, кинул майку в угол и аккуратно вступил на кафель и

поскользнулся. Дальше, все происходило как в ледовом балете «Укрощение дракона». Падая, Забрыкин схватился за шланг душа и вместе с занавеской рухнул в ванну. Он чуть не погиб: занавеска обмоталась вокруг шеи и это вернуло его в тот роковой миг, когда он решил появиться на свет, но пуповина, обмотанная вокруг шеи, явно была против. Он с трудом выбрался из этого кошмара. Никогда такого не было, вот те раз…. Сегодня утром он не подал нищей старушке, сбил на своём BMW алкаша, тот конечно, сам был виноват – лез под колёса, но самое главное – он раздавил спящую улитку. Она хрустнула у него под подошвой. Хозяин улитки – Аркадий Семёнович прямо там и заплакал: вытащил бумажный платок и долго сморкался. Эхо драматического рыдания ещё долго раздавалось в колодце двора. Всхлипывающего сумасшедшего было не унять.

-Эта улитка из чёрного мира!!! – бормотал он. Много чего невнятного наговорил он вслед уходящему Забрыкину. Но тот его уже не слышал… Забрыкин доел кашу. Чёрный мир не покидал его воображения. В восьмой раз споткнувшись в собственной квартире, он ударился головой о кухонный шкаф. Его шатало по квартире, как медведя после миски забродившей малины. Два зеркала словно сами сбросились со стены и разбились на мелкие осколки, дверца от антресолей упала и пробила в паркете дыру, унитаз засорился, явив Забрыкину чей-то резиновый сапог. Забрыкин надел ботинки и уже было вышел вон, как вдруг из-под подошвы услыхал жалобный голосок: «сволочь ты забрыыыыыыыыыыыыкин!!!!!» Забрыкин проснулся. Светило солнце, ветер раздувал занавеску от душа, улитка стояла у плиты в траурном переднике.

XI.

В ящике лежали сланцы и плавательная маска с трубкой. На ящике сидел Забрыкин и размышлял. Мимо шли худые тётки и на него не смотрели. –

«Продать бы душу дьяволу», – думал Забрыкин. Тут появился дьявол в виде худого наркомана Игоря. Старый знакомый. Всегда

возникал из ниоткуда и не давал покоя. Забрыкин ему сопротивлялся, что есть мочи.

-Слушай, купи у меня душу! Я знаю у тебя денег нет, но ты ведь обладаешь способностями! Наркоман Игорь стал напряженно думать.
-А нужна ли мне твоя душа? – спросил он после недолгого размышления.
-Что ты умеешь?

Забрыкин почесал за ухом, почесал подмышкой, вытянулся по форме и сказал:

-Я умею строить кораблики.
-И всё??? – спросил дьявол.
-Я умею дуть в трубу и, иногда, я кажусь добрым.
-Ладно, беру! Иди домой и жди.

Забрыкин побрел в номер гостиницы и заснул. Проснулся он в том же номере, но было всё как-то иначе. Всё светилось золотом, аж резало глаза. Забрыкин посмотрел в зеркало и увидел Иисуса Христа, дующего в трубу. Забрыкин чуть не обделался. Надо было срочно нажраться. Он побежал к дилеру за коксом и травой. Купил пару граммов и накурился, запивая этот микс ромом, да без конца разглядывая себя в зеркале. Он провисел на Гоа с ноября до марта Иисусом Христом. У него появились особые способности, он торговал водой и даже придумал ей название – «Май Блуд». Водой заинтересовались индийские маги. Он стал дико популярен в Индии – его носили на руках, а иногда на носилках. В марте он вернулся в Питер. В самолете как-то пропала позолота и в отражении он увидел Забрыкина с бутылкой минеральной воды. Наваждение закончилось. Забрыкин взбесился и попал в ментовку.

-Я Иисус Христос!! – кричал он, пока старшина не ударил его кулаком по ребрам. Оттуда полилась вода и град посыпался на землю…

XII.

Галя с Забрыкиным решили зажить высокодуховно.

-Светка Блошкина, ходит к психоанаритику! (Галя говорила вместо «л» – «р»). – Он ее речит сном, а ещё прописар подрёдное праванье.

– Можно Светку брать на щуку, на подлёдную рыбалку – заржал Забрыкин.

-Групости говоришь! – обиделась вслух за Светку Галя, хотя в душе ухмылялась.

Сам Забрыкин ощутил тягу к искусству, а именно к музыке:

-А Димон Валенок теперь играет на электрогуслях. Уже два месяца берёт уроки. Говорит, разучил как его…. Индиру Гайдна. Может и мне записаться? – непонятно кому уже обращался Забрыкин, ибо Галя пошла делать маску для лица «Огуречная симфония».

Этим же вечером Галя и Забрыкин записались каждый на свои курсы:

«Психоанализ на надувном матрасе» и «Электрогусли: от года до ста лет. Уровень «мастер» – за семь уроков».

-Ну-с. Чего вас-вас, беспокоит-беспокоит? – начал сразу криптопсихоаналитик.

-Вы знаете, у меня маренькая просьба! Не надо градить моё ревое корено, дерая вид, что оно ваше.

-Ох-ох, ах-ах, в самом деле- в самом деле. Оно ваше-ваше! Но вылитое моё-моё! – затараторил профессор Дрейфер.

-Расскажите, мне про подрёдный сеанс, – строго спросила Галя. – О! Это удивительная-удивительная вещь! Не каждый-не каждый решается на это! Но если уж сподвигся-сподвигся, то едва сможет позабыть-позабыть этот незабываемый опыт-опыт! После первого же сеанса криптопсихоанализа, когда вы погружаетесь-

погружаетесь под толстый слой льда, решение ваших проблем-проблем всплывают на поверхность-на поверхность и……

После первого же сеанса, когда и купальник, и кожа стали одного сливового оттенка, Галя поняла, что у неё нет проблем. Совсем. Меж тем Забрыкин, на ходу уплетая сочное свиное колено, мчался по коридору развивающего центра для взрослых… Его ждали электрогусли и преподаватель Анатолий Колчанстрелов.

XIII.

Забрыкин любил водку, но бросил из-за Гали. Он стал ходить в лохматой шубе и розовых сапогах. Вот и сейчас он идёт сквозь моросящий снег. В пустоту. Туда, где играет Элвис и клетчатые кальсоны крутятся в барабанах прачечной. Маруся-Забулдыга принесла ему пачку сигарет и котлеты в целофановом пакетике.

-Я же бросил, – смачно плюнув на ковёр, отказался он. В квартире висела огромная фотография в стиле Энди Уорхола, где его бородатое лицо было изображено четыре раза. Маруся как раз её протирала, пока он снимал сапоги. Он плюхнулся в кресло и утонул в нём. Шуба обвисла как мошна святого Петросяна. На полу лежала коробка из-под пиццы. Сапог с правой ноги никак не снимался.

-Маруся, сними! – беспомощно и капризно крикнул он. Бедная служанка кивнула и побледнела, а потом упала на пол и начала дрыгаться. Он навис над ней и стал делать ей искусственное дыхание. Она пришла в себя.

-Покушай котлеток, – обратилась она к нему с мольбой, кривя лицо. – В этом моменте надо закурить, – прошептал он и открыл пачку Парламента.

-Пых пых – затянулся он.

-Ну ты даёшь, старая карга, напугала меня. Вот тебе тысяча рублей, беги за водкой…

Долго они сидели вот так и болтали. Их связывало очень многое.

Воспоминаний хватило бы на 12 литров. Засыпая, он хрипел во сне: снилась ему летящая по небу Маруся – без фингалов и раздутых на носу вен.

XIV.

Забрыкин любил прибедняться. Купит бутылку «Моёт» за 300 долларов, а друзьям по яхтклубу говорит, что купил её за 60. Так уж он был устроен. Палуба уже трещит по швам, а он пьяный ходит по яхте. Все отпробовали его шампанского, а он кричит, пересиливая ветер:

-За шестьдесят купил!!!!! Друзья его любили и называли душным. Однажды, к нему обратился друг. Но не из тех, что пили шампанское из бокалов, уценённых самим обладателем со 100 евро до 10, а настоящий и такой же тупой, как Забрыкин. Друг этот колотил грушу и пока колотил в его боксёрских мозгах рождался план захвата новой территории для куриной фабрики. У Забрыкина дела шли блестяще, и другу это было на руку. Он отправился к Забрыкину прямо на работу. Он зашёл в кабинет из ослиной кожи и начал издалека…

-А помнишь в восемьдесят седьмом, ты ходил в джинсовой куртке и брал слушать у меня кассетничек? А как в девяносто шестом мы ели барана на балконе? А в нулевые ходили на щуку? А в две тысячи пятом, ты взял быка за рога? Так это я почему говорю…. Я ведь настоящий друг и мне нужны деньги… Забрыкин не сразу понял, куда клонит друг, но постепенно, его словно накрывала волна. С каждым словом Забрыкин менялся в лице. Кровь сворачивалась. А пигментные пятна бледнели.

-Мне нужно 60 тысяч долларов, – закончил друг.

Забрыкин подавил злобу как повидло, но тут же собрался с духом и выдал:

-Я дам тебе 40 тысяч, а всем мы скажем, что дал тебе десять. Ок?

Друг любил Забрыкина и согласился. Они вместе сели в машину. Забрыкина и поехали в банк. В дороге они пели странную песню: «Душ душ она вышла из душа….Туши туши мы тушим говяжьи туши». Забрыкин долго не мог уснуть: мешанина из фраз друга вертелась в голове «ВЕДЬ Я ЖЕ НАСТОЯЩИЙ ДРУГ. НАСТОЯЩИЙ?» – спрашивал он сам себя.

XV.

Галя подавилась яйцом.

Крошки желтка вылетели изо рта и попали Забрыкину на темные очки, сделанные из сплавов Теслы.

Вместо извинений, Галя вдруг начала орать:

-ОТКУДА НА МОЁМ ДИВАНЕ ТАКАЯ ВПАДИНА?????

-Г-г-г-галя…. Ты чего? На каком диване? На том, который застал еще Ленина? И мы держим его лишь как память о твоём деде замполите?

-ДА ОН ПОЧТИ НОВЫЙ!

-Да он старше моего грибка на ноге!

-НЕ СМЕТЬ!

Галя выскочила из-за стола и убежала в слезах к фисташковому плюшевому дивану.

Забрыкин остался за столом. Он ел сочный манго и издавал хлюпающий звук. Сок стекал с бороды, а слипшиеся волокна тропического плода облепили щёки.

Вдруг он резко вскочил и всем весом плюхнулся на злополучный диван с криком:

«ДАЁШЬ РЕВОЛЮЦИЮ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ!»

Галя снова подавилась яйцом, которое пыталась доесть в

одиночестве на диване. Она с трудом задышала.

Забрыкин подскакивал на диване как борец сумо.

Пружины вырывались наружу как пьяные черти из табакерок.

Забрыкин ломал диван с кайфом. Он вцепился в доску и давай дёргать кусок фанеры с гвоздём.

Хотел придержать его ногой, а доска вдруг застряла, повисла на подошве его «Dr. Martens».

Он начал скакать на одной ноге по комнате, но не выдержал, пошатнулся и наступил на доску…

У Забрыкина потемнело в глазах. А Галя наконец-то доела яйцо.

-Ты только что забил гвоздь в революцию отношений! – сказала безразлично Галя, складывая из яичной скорлупы слово «скоропостижно».

-Это. Была. Моя. Пятка! – завизжал Забрыкин.

Галя молча вышла из комнаты, и вернулась со шкатулкой, инкрустированной зрачками медуз. С загадочным видом она открыла его и стала доставать оттуда странные вещи: коготь летучей крысы, чучело колибри, клешню рака-отшельника и перстень с застывшей внутри голубого камня треглавой жужелицы.

-Вот. Держи. Этот перстень мне подарил масон Володя. Надо разбить камень, достать жука и приложить к месту раны.

-А вдруг этот жужелиц заползёт в дырочку от гвоздя ? – начал фантазировать Забрыкин.

-Забрыыыыыыыкиииин. Он же мертвый! И Забрыкин вдруг зарыдал.

А завидев хрупкий скелетик карликового африканского ежа в виде брелка – вырвал доску из подошвы и швырнул её об стену.

От удара со стены упал портрет замполита – деда

Гали – Карла Рейхстаговича Иванова.

-Это знамение! – гордо сказала Галя и убрала шкатулку в другую шкатулку.

В тот вечер они не разговаривали. А молча вязали свитер еноту Брюсу, с которым познакомились в контактном зоопарке в Прибалтике.

(Продолжение приключений Забрыкина следует)… Powestler